

СВЯТЫЕ КАК ОНИ ЕСТЬ

СВ. ИННОКЕНТИЙ БАЛТСКИЙ (1882-1917)

*БЛАЖЕННЫЙ
ИОАНН*

АПОСТОЛ ОГНЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

Пятое издание

** ЖИЗНЬ СВ. ИННОКЕНТИЯ
БАЛТСКОГО
* ПИСЬМА*

Книга в двух частях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга буквально сошла свыше богооткровенной скрижали. Сам святой Иннокентий буквально надиктовал с небес блаженному Иоанну таинственные события своей удивительной жизни. Судьба легендарного апостола Иннокентия золотой нитью вплетена в мистическую ткань соловецкого Евангелия.

Первомученик церкви третьего тысячелетия. Подобно Спасителю совершил восхождение на Голгофу. Победил дьявола и мировое фарисейство, за что именован царем Святого Духа. Как и Креститель – последний пророк новозаветной церкви и первый пророк и Предтеча церкви грядущей.

Как и подобает мелхиседекову священнику бескомпромиссно и бесстрашно свидетельствовал живую веру. Обличал ложь и бесчестие иосифлян-инквизиторов. Пронзенный штыком пьяного красноармейца прошел смертные врата, победил смерть, воскрес и продолжал жить несколько лет с кровавым стигматом прободенного сердца. На глазах у тысяч был вознесен в огненной столпе на небеса. Его жизнь, смерть, вознесение и чудотворные явления потрясают всякое воображение.

Блаженному Иоанну удивительным образом удалось передать сам дух свидетельского подвига святого Иннокентия, дыхание и трепет его отеческого сердца. Их души родственно близки: огненный Иннокентий и пламенный Иоанн. Оба – мелхиседековы помазанники, апостолы Второй Соловецкой Голгофы, пророки Богоцивилизации III. Подобно Иннокентию, блаженный Иоанн – старец несказанной любви, учитель

святости, владеющий таинственными ключами к стяжанию Святого Духа, опытно свидетельствующий, как войти в славу небожителей уже здесь на земле, как в любых, самых невыносимых условиях, гонениях за веру, всеобщего запустения ходить в облаке Святого Духа, хранить живую веру в присутствии Божества.

Его рыдающее горячими слезами сердце мгновенно покоряет. Таинственная красота высокой духовности обаяет, а пламенная ревность о совершенной святости увлекает вослед. Хочется больше, чем подражать — быть с ним сочетанным, черпать нескончаемо из неизреченной глубины. Высокой метки помазанник, какой появляется на земле, быть может, раз в тысячу лет.

Отец Иоанн — человек небесный. Мистик и прозорливец, учитель Креста, старец, посвященный в высочайшие мистические тайны Царствия.

С аристократическим благородством и доверительной простотой отец Иоанн начертает небесные тайны, неизъяснимые на ограниченном языке человеческих слов: обожение как идеал духовного пути, богоцивилизация как будущее человечества, Россия как удел Богородицы, Церковь Соловецкой Сияющей Ветви как крепость и оплот богоцивилизации. Ошеломляющая новизна образов, неслыханный потенциал высочайшей духовности, глобальность перспектив и пророческих начертаний, которые привлекут взоры всего человечества к России, где свершается судьба мира.

Его серия книг о тайнах Соловецкой Голгофы вызвала колоссальный интерес общественности России и стран мира. Соловки — особая тема автора. Настало время поднять завесу над соловецкой тайной.

Голгофа церкви Христовой — сенсация эпохи. Еще бы: стотысячный собор святых помазанников, восемьдесят тысяч малых венцов, восемь тысяч — великих. Три с половиной

тысячи мощей, из них восемьсот мироточащих. Тысяча вознесенных душой и плотью на небеса.

Имя блаженного Иоанна знают в самых удаленных уголках планеты. Широко известна его миротворческая деятельность. Авторские конференции, презентации, духовные встречи высоко оцениваются мировой общественностью. Труды блаженного Иоанна получили международное признание и выдвинули его в число выдающихся религиозных деятелей.

«Я поставил цель, которую, может быть, не ставил ни один летописец на земле от Нестора до Сергея Соловьева и Сергия Булгакова, – говорит сам автор, – описать внутренняя Соловков, таинственные и мистические, превосхищенные Соловки...

Я раскачаю этот колокол. Зазвонит набат соловецкий по всей земле русской, и узнают миллионы о подвигах своих отцов».

«Им, соловецким мученикам грозило полное забвение. Анонимные и безымянные, с последним предсмертным стоном они покидали этот мир, обреченные на глухое беспamięтство потомков.

Но Бог воздвиг новых небесных летописцев. Они сошли свыше как пророки последних дней накануне великого Преображения, смены эпох и цивилизаций. Они пришли возвестить людям правду. Обличить ложь. Открыть миру светильников, которыми держится жизнь на земле.

Святой Иннокентий Балтский – царственно велик среди них. Ему предстоит вскоре вкупе с Серафимом соловецким и Николаем II мироточивым возглавить триумфальное шествие помазанников Второй Голгофы Христа-Духа Святого. Их назовут увенчанными победителями. И прославят как спасителей мира».

О. Лебедев

Часть первая

**ЖИЗНЬ
СВЯТОГО
ИННОКЕНТИЯ
БАЛТСКОГО**

ДЕТСТВО

Село Кесеуцы Сорокского уезда... Где оно? Теплится лампада на маленьком кладбище Райского Сада, в двухстах верстах от Одессы, зажженная невесть кем, и на холмике ничем не выделяется сирая могилка Марка Левизора, родного брата преподобного Иннокентия.

Ветхое имя ему было Иоанн, сын благодати. Духовное, новое — Иннокентий, невинный. Когда родился, на правом зрачке его мать усмотрела пятнышко в форме креста — знак небесной избранности. Смиренный нравом, кроткий сердцем, безотказный, молчаливый, любящий. Крестьянин Василий Левизор и жена его Ксения души в дитяти не чаяли.

Мать его, Ксения, женщина неизъяснимой доброты, искренне и ревностно верующая, в молодости паломничала по святым местам, помногу постилась и молилась. Как мать, очень снисходительная к своим детям, характером своим изумительно напоминала Пресвятую Деву. Отец, Василий Левизор, походил на святого Иосифа: такой же невинный, жертвенный, упокоенный. В семье не принято было кого-либо осуждать. Ни разу за многие годы не произнесли ни одного резкого или осудительного слова. О людях считалось правилом думать самое лучшее, и

сострадание полагалось нормой. Возвышенными душами были брат его Марк и другие дети Ксении и Василия Левизора.

Иоанн рос очень способным, любознательным. Его интересовало буквально все. Старшего друга своего, учителя местной школы, забрасывал множеством вопросов.

Мать свою любил безмерно. Превозносил ее безропотность, кротость, доброту, которая питала всех кругом. Днем и ночью служила она своим детям, ходила по дому; притом не теряла веры и непрестанно молилась. Имела редкостный православный характер. За непорочность многие жители деревни почитали ее живой святой. Маленького роста, под старость слегка глуховатая, смиренная, любимая всеми, глубоко видела людей и давала мудрые советы. Часто поражала близких своим пониманием божественных истин.

С трех лет жил одновременно в двух мирах. Храмовой часовенкой для него служило невидимое белое облако. Станет над ним, как водяной столп, и реет в неземном свете. Иоанн слышит голоса ангелов, хочет присоединиться к иноческому хору, чтобы с шести утра вести шестопсалмие утрени, а с девяти вплести свой голосок в литургическую “Херувимскую” и единокорный монашеский “Аминь”: да будет так.

Звуки дурашливых детских игр были столь же непереносимы для него, как жужжание ос для тон-

кого слуха херувимов. А на макушках сосен в роще, куда уединялся для созерцательной молитвы, являлась ему Царица небесная в иконописных образах, каждый раз в разных: то “Бессарабская”, то “Млекопитательница” — и текли райские реки в его сверхсознании, открывалось безмолвие Царствия и ангельские хоры...

НЕБЕСНЫЙ ПРИЗЫВ

В девятнадцать лет определилось призвание. Однажды поехал по просьбе отца в соседнее село Ежницы — менять шило на ножницы. Расстояние не больше пяти верст от Кесеуц. Иоанн взнуздal коня и поскакал в темноту. Дорога шла долиною и напоминала иерусалимские сады. Карликовые, зигзагообразные деревья и кедровые запахи. Две версты лесом, а дальше поворот в гору. Взор Иоанна привлекла заброшенная каплица. Стояла она, как избушка на курьих ножках, да только вместо колдовских птиц витали над ней ангелы в белых одеждах. И ни старожилков тебе приходских, ни старост монастырских, ни упырей погостных, ни мощей святых.

Подъехал Иоанн к брошенной часовенке, развернул коня резвым богатырским махом и внезапно застыл как вкопанный, услышав громкий голос над часовней: “Иоанн!” Юноша упал на колени. “Время настало. Скорее поспеши”. Ушам своим не

поверил, вскочил в седло и помчался дальше сломя голову, чтобы только голос заглушить. Не вышло. На обратном пути голос опять настиг его на том же месте, еще более внушительно, с болезненным надломом: “Иоанн!” И так три раза.

Стемнело. Сгустился мрак, и с гор сошла свинцовая тяжесть. Голос, услышанный тогда, звучал отстраненно, но призывно, не позволяя себя забыть.

Вскоре привелось со старшим братом Симеоном убирать сено в поле. Было три часа пополудни. Симеон запряг лошадь и неожиданно куда-то пропал. Почувствовав наитие Духа, Иоанн, не помня себя, пролетел версту и оказался у каплицы. Вокруг сильно зашумело, подобно ветру. С неба сошло огненное пламя, точно колесница, и трижды объяло Иоанна. Оно не повредило ему; напротив, пронзило огнем истинной веры. В страхе Божиим пал и молился, увидя: в воздухе стояла в огненном сиянии Сама Царица небесная. Парящая в трех метрах над землей часовенка служила как бы Ее плотью.

Владычица опустилась над Иоанном, шепча ему на ухо слова, едва ли понятные, — блаженные глаголы вечные. Видение исчезло столь же внезапно, как появилось. Потрясенный Ваня Левизор стоял на месте, раздумывая о произошедшем.

Два откровения, бывшие в течение нескольких дней, были прочитаны душой как знак призыва; объявшее пламя небесного огня — как свидетельство особого избрания. “Иоанн, время настало! Поспеши

скорее”, – гремел с небес нежный и суровый голос. И оставалось только повиноваться...

Ночь Иоанн провел в глубоком размышлении. Не мог найти себе места. Сердце тайно ликовало, но мысль о расставании с добрыми отцом и матерью не давала покоя, наворачивались слезы. “Монастырь”, – властно пришло на ум, как бы из другого пространства. Патриархальный быт и тихая молитвенная жизнь оставались в неосуществленном прошлом.

Для матушки его Ксении расставание с сыном – открытая рана. “Я не против, но сколько из Кесеуц шли в Добрушский Николаевский монас-

тырь (небольшую мужскую обитель, что в пяти верстах от Кесеуц) и возвращались. Нравы там суровые, а ты молод и слаб — не вытерпишь”... — “Ах, мамочка, — отвечал восторженно, — если бы вы знали, что со мной случилось! Не смею вам повредить, но дальше не могу так... Призываюсь. Божия Матерь, Божия Матерь!”

Ксения прочла что-то ей одной доступное в книге жизни и в его сыновьем сердце, ласково благословила. И наутро хлопотала, собирая в путь-дорогу. Евангелие, крест, да немного пицци — огурцы, капуста и горячая картошка... В путь.

В благословение любимому сыну отец отделил жалкий крестьянский скарб: скрипучую телегу, два старых тюфяка. Но Иван вспомнил наставление Господне не брать с собою ничего, кроме котомки за плечами. Отправляясь в путь, отказался и от того.

В ДОБРУШЕ

(1894-1897)

Архимандрит Порфирий — высокий, тучный, моложавый настоятель. Критически оглядев девятнадцатилетнего визионера, объятого богоматеринской жаждой совершенства, он засомневался в его способности к аскетическим подвигам и ежедневным послушаниям. Прочел что-то чуждое в глазах — весть из Царствия, далекую и недоступную. Добруша — Божия отдушина, но не для таких, как Ваня

Левизор. Иоанн плакал от отчаяния, предлагал себя чистильщиком клозетов, готов был на самую неприглядную работу...

В иноки не взяли — по духовности, избыточествующей в нем, зато определился сообразно небесному призванию — чернорабочим. Ночевать в пределах монастыря воспретили. Пришлось проводить ночи под открытым небом. Положит полено под голову, укроется ватником и заснет. Что ему чины, карьера, прихоти мирские! Богородица — обитель, Пантократор — монастырь. Что ни шаг — объемлет купина и слышит голос: «Иоанн!» — «Я здесь, Царица»...

Посту, аскезе, молитве предавался не книжно, рассеянно, вынужденно, но безотчетно, полностью,

до максимума. Терпеть наказание, равнодушие и клевету считал для себя блаженством. Обид не то что избегал, стремился к ним мученически. Христос приходил к нему в минуты крайнего одиночества как близкий друг, и однажды беседовал с ним больше часа по земному времени. Об ангельском чине мечтал и питался более манной из Царствия, а свой паек нищим раздавал. Его свыше водимому сердцу подсказывалась необходимость любить врагов, молиться за них и даже, как позднее напишет он в письмах соловецких, страдать за них соискупительно. Божия Мать приходила и утешала его в скорбях.

Монахи ненавидели его люто. Угодить им было невозможно уже по одному устремлению к святости и свету. Ладно бы, доил корову и носил навоз; ладно бы, набедокурил утром и покаялся днем на исповеди...

Рядом сельцо. Бабульки зовут на готовое святого ангела. Другой бы покусился. Нет же, святоша и гордец!

Спустя полгода неохотно приняли в братство, и Иоанн ликовал, считая себя допущенным к небесной трапезе. Добрая мать его Ксения усердно молилась о сыне, и ее материнский покров укреплял Иоанна.

Осень. Виноград поспел. Послали на уборку в недалекую Ливаду. Монахи по простоте душевной спились. Брат Иван Левизор один остался. Порабо-

тал за десятерых. Труд был по достоинству оценен: назначен от архимандрита экономом.

Часто размышлял о бренности земного, отметал его ловушки, сети. Здесь на земле сегодня тебя встретят как Спасителя с ветвями: “Осанна!” — и те же, спустя несколько дней, потребуют смерти. Сегодня почитают, завтра наказуют, а если следуешь Господу — вовек благословен. И не знал большей радости, чем нести послушание у Царицы небесной: каким бы ни было, что ни назначено на сегодня. Радость не в том, что картошку чистишь на монастырской кухне, сопровождая труд свой Иисусовой молитвой, а в том, что в диалоге и послушании у Нее.

Ночь — любимое для него время. Дверь кельи закроет на крючок, зажжет восковые свечи, нальет масла в лампы, подправит фитильки — на поклоны! Голова вниз, а дух горé... Предавался поклонам ревностно, всем сердцем, как если бы приближали его к Царствию. Спустя час рубашка становилась совсем мокрой. Снимал, чтобы не сгнила, и продолжал челобитие небесное уже без нее. И так — до полного бессилия. Упадет чуть ли не бездыханный, немного отдохнет, и рано утром веселый выходит на послушание.

А в недалекой Кошелевке, в семи верстах от Добруши, в женском скиту, монашки голодали. Иоанн ночью брал хлеб, сколько мог нести, клал у порога их обители и возвращался обратно, размыш-

ляя о Николае-угоднике и о тайной милостыне. Доброту его врожденную и от небесной Матери усвоенную архимандрит вменял ему в вину: зачем кладет монахам порцию больше положенного и служит искушением? Но Иоанн смиренно принимал наказание и со слезами молился о несправедливых палачах. Настоятель же, видя, с какой светлой радостью терпит молодой подвижник скорби, начинал виниться, падал чаду в ноги и благодарил.

Братия по-прежнему восставали на своего эконома за кротость и смирение, за то, что служил для них тайным укором. Им было далеко до святости и не по пути с молодым лествичником, которому открыта перспектива духовного восхождения. Им бы в сонный барак, да за просто так... Но ничто злое не могло вытеснить Иоанна из Добрушской обители, с которой сжился. Однако в свой час исполнились сроки — и Божия Мать призвала... Однажды утром постучался в дверь к архимандриту с просьбой вернуть документы. Настоятель стал было уговаривать — уже не мыслил монастыря без молодого инока, но тот остался непреклонным. Дух Святой повел его в Киев на поклонение к мощам старцев.

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

(1898-1905)

В Киевских Печерах обошел пещеры, поклонился преподобным, приложился к святым иконам.

Одна из них особенно ему благоволила. И какая великая радость объяла, когда во время поздней воскресной обедни увидел перед собою двух старцев – преподобных Антония и Феодосия, благословлявших его на смиренномудрие и крест. Монашество казалось Иоанну прекрасным!

В Киеве пел в Златоверхо-Михайловском монастыре у раки великомученицы Варвары, но ни ангельский голос, ни пение не доставляли радости. Заботился о басовых хористах, по большей части алкоголиках, и молился о них, запрещая в духе грешить. И хотя Варвара-великомученица часто сходила к нему и благословляла, и здесь недолго задержался Иоанн: сжигал его огонь духовный. И спустя полтора года, прослышав о чудесах, творившихся у раки преп.Адриана Пошехонского, переметнулся в Ярославскую губернию, в Успенско-Адриановскую пустынь, где была большая нужда в певцах. Местные черноризцы оказались премерзкими содомитами. От воровских их ночных привычек Иоанну становилось физически плохо, и за то, что обличал их, исполненный праведным гневом, ненавидели вдвое больше и выживали. Через девять месяцев забрал документы у наместника и вернулся в Киев. А вскоре после его отъезда чаша терпения духовных властей переполнилась, и ярославская мужская пустынь была временно закрыта и отдана кротким агницам-сестрам.

Искал, и водила Пресвятая Царица его по многим обителям. Опять вернулся в Златоверхо-Михайловский, а оттуда в добрые Добруши, благословенные, патриархальные, хранящие о нем святую память. Бывшего настоятеля Порфирия след простыл. Сменивший его архимандрит Антоний возлюбил инока, и, спустя два года, увез его с собой в Петроград пред стопы святителя Митрофана, певцом в архиерейский хор. Иоанн здесь впервые увидел столицу, и — невероятно! — пел перед самим царем, сидел за одним столом с Николаем II, министрами и членами Государственной Думы! И когда смотрел в лицо молодому царю, так и хотел спросить о чем-то, сам не зная о чем. Потом жалел, что не завел разговор, что не увидел его царь, не распознал в нем друга...

А душа не находила покоя и маялась, хотя покойный и мирный характер его приходился по нраву окружающим.

Из Петрограда опять в Киево-Печерскую Лавру, оттуда в Почаев, в пещеру к преподобному Иову. Из Почаева опять домой, повидаться с родными. Мамочка Ксения припадет и омоет его своими слезами. И снова в странствия...

На время приютил его монастырь Кийканч в Бессарабии. А на каком-то случайном железнодорожном полустанке встретил игумена из Балты. Тот пригласил его к себе. От Балты веяло чем-то обетованным. Здесь опять он услышал голос: “Ио-

анн, довольно скитаться, останься. Здесь сокровищница веры. Здесь найдешь то, что давно ищешь и нигде найти не можешь”. Иоанн решил остаться навсегда.

В БАЛТСКОМ МОНАСТЫРЕ

(1905-1912)

В Балтском монастыре, не покладая рук, работал за троих. Днем помогал рабочим на стройке корпусов, носил воду, месил цемент с песком, клал камень. А на устах непрестанно Иисусова молитва. И плачет как дитя.

Светлыми были эти первые годы невинного младенчества. Не потому ли, что был чист, как ангел, и сиял неземным светом, постригли с именем “Иннокентий” (агнец невинный)?

Поставили продавать свечи в церкви, но Иннокентий не заболел помыслом Иуды Искарюта — откладывать на нужды церкви. За свечным ящичком стоял — раздавал последнее. Тут открылся у него дар пророческий. “Если я буду молчать, вся тяжесть упадет на мир”. И учил “наперед” о грядущей России, о преображении веры. И уже наводил ужас на округу, предвещая бедствия, царство зверя, “если не будут жить чисто и сердцем любить Господа”. Многие тогда в страхе притекали послушать его и уходили потрясенные, упокоенные. Еще не передал ему огненный дар пророчества великий

чудотворец Феодосий, а уже говорил с пророческою силой. И Божия Мать точно облакала его в первосвященнические золотые ризы, мелхиседековы, огненные, в какие облечена Она на иконе “Прибавление ума”.

В Балте защемило сердце о монашестве: любви никто не просит. Одеты только внешне в ангельский хитон. А если бы любовь Христову познали, не боялись ошибиться в людях. Добром бы одним и жили. В сердце его записано было: “Делай добро и говори правду. Людей, независимо от ранга и характера, не бойся”. Тогда впервые, взирая на братию, кольнуло: “Любовь ушла гулять по белу свету от монахов. Евангелие читают, кладут поклоны, молятся усердно, а вера с ноготок и нравы лицемерные”...

БРАТЬЯ МОРДАРИ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ РАЙСКОГО САДА (1906)

На добротной телеге, груженной тюками, нахлестывая упитанных лошадок, на поклон к святым спешили трое братьев из села Липецкого, что в тридцати верстах от Балты: Софроний, Герасим и Никита Мордари. Запали в сердца трем братьям слова Иннокентия: “Где трое, там Пресвятая Троица: Софроний — Отец, Герасим — Сын, Никита — Дух Святой”. Сущие дети; смотрят, как ангелы.

Иннокентий встретил их на монастырском дворе радостно: “Мужи и братия! Хорошо сделали, что приехали. Земное сокровище исчезнет. А кто принесет сокровище свое на небеса, у того никто его не похитит”.

После службы молодой монах шепчет негромко: идите к своей подводе и ждите меня там... И только было Никита глубоко задумался: “Что бы означали слова монаха о перенесении земного сокровища на небеса? Господь учил не о земном печья, а о нетленном”, — как нагрязнул в паломническую хатку он сам. Спешно накрыли стол, пригласили откусать вместе картошки с огурцами. “Отец, — спросил за трапезой нерасторопный Никита, — как понимать слова твои? Кто милостыню творит на земле, переносит ее на небеса?” — “А вам, братья, хорошо бы пожертвовать свою землю под монастырь. И обрели бы незримое сокровище в вечности”. И тотчас явилось чудное знамение! Братья восторженно подняли глаза: предивной силы свет забил из далекого висока, и косыми мягкими лучами одождал землю... Потрясенная троица единодушно решила отдать монастырю сколько было — пятьдесят десятин земли — взяли бы только! За честь сочли отдать. И Иннокентий, восхитившись в царство и сияя неземною красотой, Духом Святым пророчествовал им, что на этом самом месте будет воздвигнут красавец-монастырь, мать всем земным монастырям и лаврам.

В Липецкое братья Мордари вернулись в восхищенном состоянии духа. Неопишное действие оказал на них этот молодой монах. Руководствуясь духовным наитием, раздали щедро имение. А что осталось, продали, бесплатно раздали, как милостыню. И не торговались: кто сколько давал, за столько и продавали, не требуя ни гроша больше. Родственники сочли их умалишенными. Привыкшая к достатку мать кричала: “С ума спятили, трое аж! У каждого семья и дети! Не было у нас в роду такого. Как жить будете? Семьи с голоду помрут, что с детьми станет?”

Братья стойко перенесли упреки, а про себя заключили, что открылось у них зрение особое. И обрели надежду во Христе, и стали видеть то, чего не видели. Иннокентий, молодой монах, ангел-хранитель их, рядом с ними, не отходит.

Позднее, несколько лет спустя, когда Иннокентия возьмут на мучения из Балты в Каменец, отец накажет своим верным чадам собираться на место, прежде принадлежавшее трем братьям и названное Райским Садам. Будет обещать непрестанное свое присутствие в духе, и повторит пророчество о великом монастыре, что будет разбит в Райском Саду на радость всему миру — с круглосуточной молитвой, серафическими хорами, с благодатными соборами и благоуханными садами. О каком времени, земном или преображенном, говорил, никто не ведал. Верили, ибо нельзя не верить, когда говорит священник

по чину правды. А Иннокентий стяжал мелхиседеков чин, точно от утробы матери своей. И, забравшись на пригорок после литургии, наставлял: “Ничего не бойтесь! Всегда говорите правду. О смерти радуйтесь, а не печальтесь. Верьте истинно, идите прямо, делайте добро всякому и всем и ничего не бойтесь, кроме Господа”.

РУКОПОЛОЖЕНИЕ

(1909)

В Балте Иннокентию священство не светило. Когда местные священноначальственные столпы узнали о дарах Святого Духа, о пророчествах, отношение к Иннокентию стало однозначным. Дальше чистильщика навоза или свечного продавца не продвинуться и здесь.

Репутация – “не нашего духа, огненный”. И сбываются на нем слова Господа (Мф.23): “сами не идут

Как нелегко получить духовный сан в клане официальной церковной иерархии истинного духа христианам, где господствуют сплошь первосвященники кайафы и ганнаны! Все те же фарисеи – как если бы ничего не изменилось: и сегодня, как две тысячи лет назад. В такой церкви Иннокентию получить духовный сан было не проще, чем Господу нашему стать первосвященником Израиля. Но Он стал им духовно. “Учитель! Равви!” – кричали Его верные ученики.

и других не пускают”. Но у святых своя ойкономия. Если пожелает небесное правительство, земные власти не смогут отказать, как бы ни хотели. 15 августа 1908 года, скрепя сердце, его посвящают в дьяконы после нескольких лет подвижания.

...Над гробом Феодосия Балтского* творятся чудеса, каких не было в земле Российской со времен блаженного старца Серафима: изгнание бесов, исцеления, прозрения, обличение грехов. Прирастают руки, срстаются кости, подаются харизмы, и благодать с неба одождяется щедро. Местные церковные власти зашевелились: не использовать ли в своих целях, для прославления института?

22 мая 1909 года в Балту направили синодальную комиссию — проверить насчет чистоты веры: не восставал ли катехизически? не писал ли чего не того? не говорил ли чего не следует против первосвященника Кайафы, что стоял мрачно, глядя на приближа-

---

*) св. Феодосий Левицкий (1791-1845) - священник из г.Балты. Духовный писатель, провидец, трактовал в частности Апокалипсис Иоанна. Пламенный и ревностный в вере. Заочно наставлял императора Александра I. Призван был императором на служение в С.-Петербург. Горел мыслью: донести евангельский свет всем народам России на их языках. Разгром Библейского общества (1824) привел о.Феодосия к гневным обличительным речам против духовных и светских властей. Священника сослали в монастырскую тюрьму на о.Коневец. Его духовные труды были изъяты из обращения.

После ссылки о.Феодосий вернулся в Балту к верной ему пастве. Пастырем пробыл недолго. Вновь стал гоним за критику местных церковных властей. Известна написанная им икона о сходящих первыми в ад фарисеях. В священстве пастырю, любимому народом, синодальные власти отказали на сей раз навсегда. Старцу отказали даже в похоронах при храме, в котором он служил. На могиле старца вскоре стали происходить многие чудеса и исцеления.

ющего на ослике Господа, сидящего в окружении иерусалимских почитателей, и замышлял неладное.

Триумфальная слава Феодосия гремела столь блистательно, что затмила умы исследователям катехизической чистоты, и на сей раз обошлось странно: Феодосию “простили” труды, в которых обличались грехи архиереев и говорилось о том, что

Время сотрет репутацию “бунтовщика”, если прославил его Господь. Не за восстание же на синодальные устои прославляется он? Заодно шанс напомнить народу, что можно, веря в Катехизис митрополита Филарета (Дроздова), просиять чудесами и восхититься на небеса.

Стройный хорал небожителей молчал. Никогда, ни в какие времена не была воспета песнь благодарения “Святейшему Правительствующему”. За Петровым детищем, Синодом, зияло греховное бремя ветхозаветного Синедриона, самой чудовищной конторы всех времен, приговорившей к смерти Саму Жизнь, Истину и Путь. Им бы, конечно, впору провалиться сквозь землю от страха, услышав призыв Крестителя к метанойе, но в змеиных узлах совести у институционалов ничего не шевелилось. И хотя дрогнула земля, и подземные толчки дошли до “Святейшего Правительствующего”, Синод устоял. Не упала ни одна хрустальная ваза из стеклянного шкафа.

с суда над церковью в лице ее священноначалия начнется Страшный Суд. “Забыли” обличения и три года ссылки. “Забыли” крамольную икону “Страшный Суд”, где фарисеи в черных засаленных рясах

гнетуще направляются в пасть левиафана — первыми.

Удалось кое-как наспех составить официальные бумаги. И — чего только не сделаешь ради

Беспрецедентное событие по всем евангельским канонам. “Дополняйте чашу своих отцов! У Что бы вы ни говорили о себе, вы дети тех, кто избивает пророков и ставит гробницы на месте кровавых преступлений, украшая их декоративными цветами причесанных житий. Не дрогнула синодальная рука приступить к канонизации, но вот впервые в истории православия не позволяет святой дотронуться до мощей своих фарисеям!

Сколько их прошло мимо раки с мощами преп. Сергия Радонежского, сколько иудиних поцелуев запечатлелось на ее прозрачном стекле!

прославления “святого института” — было принято решение: *бывшего зека, отца Феодосия Балтского, великого еретика и вероотступника, почитать как местночтимого святого* (под напором неслыханных чудес и сотен писем от наивного народа). Осталось перенести мощи с кладбищенского погоста в монастырский храм Святой Троицы в Балте.

Но не позволил Феодосий ретивой лжебратии обращаться с ним, как со “своим”. Началось вроде бы как положено, как замышлено было: торжественная процессия с пением к мощам преподобного, человек двадцать тихих черноризцев со свечами. Служба с архиерейскими орлецами и рапидами, с

долгими молитвами текла как положено гладко. Но небо не открывалось, а сквозь сизодымящиеся тучи светило апокалиптическое солнце. Страшное знамение стояло в воздухе. Было гнетуще тяжело.

Завыли псы и закричали петухи в окрестных селах, и народ собравшийся стоял оцепенело, выкатив глаза. Что-то не то, что-то не так. И архиерей холеной ручкой перекрестил святое место на могилке, и молитву совершили по чину, да не поддается чудотворец Феодосий — никак не поднимут мощи из-под земли — гроб точно прирос. И инструменты, и молотки, и гвозди, и металлические ломы, и другие механические приспособления использовали, известные еще со времен строительства египетских пирамид, — никак не помогало... Дрогнуло что-то у фарисейских чинов: вспомнили о травле преподобного Феодосия, и кто-то из толпы заговорил: «Отец наш после трех лет ссылки, помните, на коленях прошел от вокзала Балтского до храма и пророчествовал: «се земля святая» и еще: «идет за мной тот, кто больше меня». А этот “больше” стоял здесь же, ближе к толпе, отвергнутый синодальными ставленниками.

Промучились полдня. Несколько потов с них сошло. Бестолку. Не поддается Феодосий. Не хочет, чтоб псы — гонители Божии, цензоры Яхве, “правоверный трибунал от пресвятой троицы”, что гнали и гноили его в земные дни, кому предписал он огонь гееннский, дотрагивались до его мощей. Запрещает преподобный Феодосий. Как скажет потом Иннокентий: «В могиле мощи, а огонь ходит по земле».

И когда кто-то невзначай вспомнил о юродивом красавце-дьяконе с репутацией, подобной феодосиевой (обличает и пророчествует, толпы народа идут за ним, как за Крестителем), то решили: «если этот одного духа с тайным врагом нашим, Феодосием-Христом, то используем его в наших целях».

«Отец дьякон, — взмолился, упав на колени, смиреннейший “его высокопреосвященство”, — помоги! Что ж такое творится! Приехали из самой Первопрестольной. Собрались владыки, народ чин-чином прославить чудотворца нашего отца, и такой стыд на всю матушку Россию — не можем поднять мощи из могилы!»

Иннокентий выстраданной раной понял, что иного случая для рукоположения не представится. Облака рассеялись, и в воссиявшем небе открылся ему Спаситель в белом хитоне с золотым поясом, со скорбным рыдающим ликом. Сам Глава Церкви Христовой пожаловал на Иннокентьево рукоположение.

«Кто я такой, отцы святые? Недостойный грешник и всего лишь дьякон. А меньше священника по уставу нашему никто не имеет права приступать к великому святому, чтобы гнева Божия не было на нас». Иннокентий не лукавил, не искал карьеры — воля Божия совершалась. Феодосий Балтский жаловал и этим великим чудом, быть может решившим судьбу православия на многие годы в дальнейшем.

«Ишь ты, рукоположения просит, — зашептала, отойдя в сторонку на совет, монашеская братия. — Образования академического не имеет, ереси распространяет». Но нечего было делать, тактические соображения, как всегда, взяли верх над стратегическими. Расчет поставили во главу угла и решили: покамест отца дьякона в священники рукоположить, а там посмотрим: чуть что — крест долой и епитимья до скончания века. Здесь же, несказанно дерзко, спешно, вопреки испытанным временем уставам, рукоположили кратким чином.

Иннокентий подошел к ограде и стал истово молиться. Упал на колени и заговорил с преподобным Феодоси-

ем как с живым, как сын с отцом; стал каяться пред ним, просить прощения от лица Божиего народа, дальнейших исцелений и чудес. Благословил, и с легкостью подняли из могилы гроб; открыл его, приложился к мощам. Из гроба раздался гулко звучащий в чутком слухе Иннокентия, но не слышимый другими голос: «Отец Иннокентий, возьми крест мой!» Иннокентий прислушался. «Отец Иннокентий, возьми крест мой!» — громоподобно зазвучало из горнего мира. И тут чудотворец привстал из гроба, и протянул своему наследнику снятый с груди деревянный крест. «Возьми его и иди, да осияет тебя огонь Святого Духа, и нечестивые падут. Зови народы к покаянию и так учи: не захотят по своей воле — покаются поневоле. Огнем и мечом очистится земля».

Слов, кроме рукоположенного молодого пастыря с ангельским ликом, не слышал никто, но что восстал отец Феодосий и протянул крест Иннокентию, видели многие в толпе. Священномученик снова возлег, а потрясенный Иннокентий с огненным крестом Феодосия в руках тут же стал обличать священников: «Не допустил вас Господь приблизиться к сосуду чистому, ибо больше служите золоту, нежели Господу! Так разбогатели и растолстели, что не видите глазами золото, огнем очищенное». Оглядывал окрестную даль на тысячу миль и видел, что ему одному открыто. И воссиял на нем свет святых, и сошли печати великих пророков древности. Даниил протянул ему руку с огненной колесницы, Энох принял в нем участие, Иеремия обещал

помочь, когда бросят его в каменную яму. Преподобные Савватий и Зосима Соловецкие стояли с белыми свитками, и Сама Пречистая Дева примеряла ему золотой венец и сшитый Ею драгоценный белый хитон. И словно богатырем стал, преобразился. У Иннокентия открылось внутреннее око Божие и дар постижения истинного Евангелия, где половина стихов посвящена обличению фарисеев, а другая — утверждению церкви святых.

«Сколько их было тогда, в земные дни Господа, а напоследок будет еще больше... Жаль смотреть! Дьявол радуется, что архиереев и священников бросил в огонь — одно название осталось от подвижников».

Синодалы пришли в ужас от этих слов, но решили: «Потом разберемся». Дело-то сделано и приказ начальственный исполнен. А что восставший из мертвых старец с пламенным крестом передал своему наследнику дар обличения, а с ним печати ревностного бесстрашия и особый покров, осуществляемый ангелами церкви над страдальцами во имя правды Христовой, впопыхах во внимание не приняли. «Потом рассмотрим. Отдельною статьею посчитаемся».

Между тем в Балте разгорался великий огонь веры Христовой. Лик Иннокентия переменился неузнаваемо. Проницательность его взгляда потрясала. Неотразимый взор испепелял грех, пробуждал духовную совесть. Толпа не отходила от него ни на шаг. Чудеса, что прежде творились у раки чудотворца Феодосия, теперь происходили от живого его

наследника, иеромонаха Иннокентия Левизора. Это его, кроткого и незаметного, Господь избрал Себе в молитвенники, а ревизоры из религиозного цензурного комитета остались ни с чем.

Благодать отцу Иннокентию Царица небесная дала превеликую. На его литургии стекалось множество народа. Храм не мог вместить желающих присутствовать на службе. Съезжались со всей России, Молдавии, Украины. Благородство и высота литургисания покоряла паломников и прихожан, а проповедовал едва грамотный крестьянин из Кесуц так, что и Иоанн Златоуст заслушался бы. И Священное Писание, казалось бы, знал наизусть, и на святых отцов ссылался. Точно по иным летописям читал, а себя смиренно называл слепым да полуграмотным и отсылал многих вопрошающих к святым отцам. О церкви учил: без нее спасения нет. И проповеди завершал: «Во славу Господа нашего Иисуса Христа, Госпожи нашей Девы Марии, святых архангелов Михаила, Гавриила, сонма ангелов и всех святых отцов наших». После причастия на проповедях десятки исцелялись от тяжких болезней. И харизмы от службы к службе умножались.

КРЕЩЕНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ

(1910)

На Крещение множество народа собралось со всех концов к монастырю. Шли с подводами и пеш-

ком, и не было конца и края желающим послушать отца Иннокентия и причаститься из рук этого православного харизмата, точно сошедшего с неба. Диву давались, как это простой крестьянский сын ходит в подобной благодати.

Паломники сомкнулись в сплошную тучу, как бы в черное пятно, а Иннокентий услышал голос с неба: «Чадо, возьми крест твой, иди к народу и открывай евангелие правды, ибо времена приблизились. Обличай беззаконие и воскликни от имени Моего от края и до края. Я пребуду с вами до скончания века». С солнечной высоты простерлись белые скрижали, и Иннокентий, восхитившись умом, увидел лик Пренепорочной. Вечнодева укрепляла его всепобедительным взором, нерушимая Стена, и вокруг Нее распространялось золотое сияние. Исполнившись Духом, вышел к народу. Перед ним стояла масса, черная, как смола. Вздогнул и возвратился в келью — не прокричаться ему сквозь такую тьму. Стал на колени с молитвой к Пресвятой Деве: «Помоги, Царица!» Онемели уста, перехватило горло... Молился, пока рубаха на нем не стала мокрой. Почувствовав укрепление, надел другую и вышел к народу.

В черной туче появились белые пятна: толпа слегка разомкнулась, — но уста пророка оставались безмолвными. И снова вернулся в келью и предался горячей молитве, и слезы полились ручьем. Вторую рубашку смочил — нет сил говорить от лица Божия. Не прост крест пророка. Почувствовал укрепление

и повторно вышел к народу. И так трижды. И когда явился вконец изможденный, черных пятен уже не было ни одного: народ очистился и стоял как бы преображенный, прошедший сквозь чистилище.

И почувствовал проповедь, и стоящую над ним Пресвятую Деву с белым омофором, как во Влахернском храме в Константинополе над блаженным Андреем юродивым, и стал благословлять присутствующих святым крестом, и голос его был слышен за много верст: “Братья, приблизился праведный суд Божий! Покайтесь и веруйте во святой крест Господень. Исполним евангелие правды! Идите на гору, а не в долину. Ближе время, когда сойдут с неба святые и зажгут пламенную веру в сердцах истинных последователей. И вы, воры, собирайтесь и идите на гору! Вот идет Отец наш с огненным крестом и спалит все ваши злодеяния и зависть вашу”. И опять набатно гремело в адрес мучителей святых: “Не покаетесь по своей воле — покаетесь поневоле!”

И увидел молодой тайнозритель Иннокентий Левизор Соловки в 1929 году и хор православных зеков — уже не в рясах — в простых ушанках и валенках на босу ногу, кающихся перед престолом Божиим. И когда стал благословлять крестом, народ пал на колени и зарыдал, и многие исповедывали грехи свои. Каждый каялся перед стоящим рядом. Называли тайные грехи, которые минутой раньше никогда не обличили бы; кричали истошно. И стало страшно...

Бесы люто завывали из людей и выходили тысячами. Одни выли как волки, другие как собаки, третьи как лисы, свиньи, петухи, жабы. Чародеи, кормившиеся нечистой силой и пришедшие к старцу сами не зная для чего, блудники и воры преображались на глазах и очищались. Стоял гул от исповедуемых вслух тягчайших грехов, как если бы совершался Страшный Суд. В обычных условиях для подобного покаяния потребовались бы десятилетия. Дух злобы терял силу над одержимыми и валил людей на землю, и те бились, как рыбы в агонии, и кричали не своими голосами: “Не пеки нас, Дух Святой! Зачем пришел и не даешь покоя нам?!” Они лежали в изнеможении и бились в судорогах. Как в земные дни Спасителя, кричали: “Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин; знаю Тебя, кто Ты, Святы́й Божий” (Лк.4,34).

“Кайтесь в грехах!” — гремел на всю округу, как лев, Иннокентий, и голос его звучал, как призывный набат. Позднее вспоминали: в церкви города Ананьева священник остановил службу и призвал народ прислушиваться к голосу, звучащему в воздухах храма. Исцеления совершались в соседних селах. “Время плакать к Богу день и ночь”, — и народ, слыша доброе пастырское слово, сопровождаемое изобильно текущими слезами, произносимое с державной силой, исполнялся огня веры православной и свидетельствовал близкую славу Второго Пришествия.

“Матушка моя, Ксения, поминай меня в своих молитвах. По твоему благословию приняла меня под покров Свой Царица небесная, и Ее благодатной помощью творятся чудеса веры нашей православной, возрождается Божий народ, просыпаются Русь, Бессарабия”, – пишет к матери. Преподобный говорил в молитвах об исцеленных, представлял их Агнцу, берущему на Себя наши грехи. Вынет из внутреннего кармана изображение Спасителя в терновом венце, приложится к Нему, взглянет как-то лично, пронзительно и родственно, и слезы горячие текут безостановочно.

На исповеди многим открывались тайные грехи, и голубая, с золотой росписью, епитрахиль огненного пророка напоминала милоть, упавшую от возносящегося к небу Ильи, к Елисею, его сыну и наследнику. Кого-то жег огонь, кто-то умилялся и вставал очищенным и новым после исповеди, как после бани очистительной. Иные видели преизобильные потоки света под куполом храма и различали голоса небожителей.

Исцелялись слепорожденные, парализованные вставали на ноги, и безумные, словно родившись свыше, возвещали евангелие Царствия, глядя в даль, открытую им преподобным священноцелителем Иннокентием Балтским, не в силах оторвать глаз от своего наставника. Куда поведет, пойдут за ним до последнего. И голос его был велик, как рык львиный, притом что имел кроткий нрав. Когда говорил – резал словом, как мечом. И взгляд имел

столь пронзительный, что ни один вор и блудник не мог вытерпеть, поникал головой и начинал каяться.

Иннокентий внимательно оглядывал толпу странников и, когда находил паломника с чистым сердцем, манил его указательным пальцем, одарял ласковым взглядом и часто оставлял с собой. Нарождалась на Святой Руси церковь истинная!

Община Иннокентия, как в первохристианские райские времена, жила вместе. О каждом Иннокентий молился лично и подолгу. В традиции святых отцов праведно наставлял о постах и молитвенном трудничестве. Но не аскетические руководства и не дар целительный привлекали к нему, — дивная Божия любовь, неотразимая теплота нрава, ласковость взора, какая-то тайна, пребывавшая в нем. Учил пренебрегать земным богатством, собирать нетленное сокровище даров церковных. И жили братья и сестры с Иннокентием, как в раю. Никто не помнил своего возраста и звания, имущества и чина. Достаточно было одного “брат”, “сестра”. После огненных служб и смиренных молитв приходила нищета духа, долготерпение и смирение, и любовь истекала такая, точно открывались небесные источники и низвергались океаны ее из недр торжествующей церкви.

Не было проповеди, где Иннокентий не упомянул бы Пресвятую Богородицу. Она есть мост и переход души от смерти к жизни. “Матерь Божия молится о нас со всеми святыми и праведными.

Перестанет молиться о нас Богородица со святыми — придут, братья, великие бедствия в мир. Гнев Божий разразится со всеми бичами и наказаниями в настоящем и будущем”.

Стекались к нему во множестве пьяницы, блудники, бездомные скитальцы, курильщики, наркоманы, пустословы и праздношатающиеся. Ни один не уходил прежним. “Огонь неугасимый и червь неусыпный ожидает грешников. Не обольщайтесь внешней верой. Не время праздности, чревоугодия и питья. Время плакать Богу день и ночь. Кто ругается на крест, на церковь и ее святыни, тот как дьявол видимый и не может видеть света Божия, ибо в нем воцарилась темнота, в нее же и сойдет. А как можете видеть свет, если тьма объяла вас?”

Говорил, и никто не мог противиться голосу этой последней правды. Народ усовещался. Простосердечно оставляли прежние греховные привычки. Кто бросит курение, кто по благословению молодого отца вернется в семью, кто перестанет ругаться и освоит мир молитвы. Кто из ярого атеиста станет ревностным подвижником возрожденной православной веры. И пьяницы преобразались под отеческим взором его любви. Становились красивыми и светлыми, подобно ангелам. И говорили: “Это батюшка наш Иоанн Кронштадтский, вернувшийся на землю”. А другие: “Сам Господь пришел к нам в Балту. Камень упал с неба. Камень этот Христос, чистый и непятнаемый”.

Просил о себе молитв, прежде чем закрыться в келье и предаться горячим слезным прошениям о своей многогрешной пастве, которую любил, как пастух своих овец.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть первая

Жизнь святого Иннокентия Балтского

Детство 10

Небесный призыв 12

В Добруше 15

Годы странствий 19

В Балтском монастыре 22

Братья Мордари и благословение

    Райского Сада 23

Рукоположение 26

Крещенская проповедь 35

Донос и первые гонения 42

Накануне ссылки. В Санкт-Петербурге 68

Ссылный Муромского монастыря 72

Онежское богоявление 79

Мистический старец 84

Крестный путь народа Божия 87

Прободенное штыком сердце 90

«Хитрый дьявол, но Господь мудрее» 99

Чудесный переход через озеро 103

Село-ловушка. Избиение и арест 107

В Петрозаводской тюрьме 112

Вновь на синодальной службе 114

содержание

Вторая ссылка. Соловецкий и Анзерский острова (май 1915 — март 1917)	121
Последний год жизни. Балта и райский сад . .	125
Покушение. Дуэль двух духов	138
Отравление. Смерть	140
Огненное вознесение	150

Часть вторая

Письма св.Иннокентия Балтского	160
Комментарии к письмам св.Иннокентия	
«Не бойтесь ничего».	208
«Вера есть как пламя огненное».	236
«Ходите с любовью чистой».	267